

*Иван Микиртумов*¹

МОРАЛЬНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ГРУППЫ В ДЕЛИБЕРАЦИИ О ПОВЕСТКЕ²

Аннотация. Делиберация о повестке представляет собой один из этапов спора. Её прямая цель — определение повестки спора. Косвенные цели разнообразны: признание группы как равноправного агента, управление связи группы с её представителем, влияние на сам институт делиберации. Делиберацию ведет представитель группы. Отношение представителя несет в себе моральное обязывание, особенно тогда, когда остро стоит вопрос о признании группы. В статье описаны три основания морального обязывания. Первые два связаны с концептом общего блага. Оно реализуется коллективной рациональностью, что требует максимального разнообразия интересов и мнений, а также максимального разнообразия участников делиберации. Представитель в этих двух случаях может быть нейтральным по отношению к представляемой группе. Третья форма обязывания возникает при заключении аффективного контракта. Представителю вменяется долг служения, группе — долг доверия. Представитель по собственной воле апроприирует мнения, желания и воления группы. Высокая степень интенсивности аффекта приводит к тому, что лояльность группе начинает противоречить общему благу. При этом становятся возможными такие формы поведения представителя, которые отклоняются от прямых и косвенных целей спора. Если же цель влияния на повестку сохраняется, то успех или неудача делиберации сочетается с тем, как представитель и группа выполняют свои обязательства друг перед другом. Эти сочетания описаны в конце статьи и образуют спектр оценок и возможностей дальнейшего поведения и взаимодействия группы и представителя.

Ключевые слова: спор, делиберация, рациональность, повестка, представитель, аффект.

Ivan Mikirtumov

MORAL OBLIGATIONS OF A GROUP REPRESENTATIVE IN DELIBERATION ABOUT THE AGENDA

Abstract. Deliberation about the agenda is one of the stages of a dispute. Its direct goal is to determine the agenda of the dispute. Its indirect goals are varied: recognition of the group's rights, management of the group's connection with its representative, and influence on the institution of deliberation itself. Deliberation is led by a representative of the group. The attitude of representation carries a moral obligation, especially when the issue of recognition

¹*Микиртумов Иван Борисович* — доктор философских наук, доцент кафедры междисциплинарного синтеза в области социальных и гуманитарных наук Санкт-Петербургского государственного университета.

Ivan Mikirtumov, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Interdisciplinary Synthesis in the Field of Social Sciences and Humanities, St. Petersburg State University.

i.mikirtumov@spbu.ru

²Исследование выполнено при поддержке РФФИ в Санкт-Петербургском государственном университете. Проект № 20-011-00485 «Делиберативная аргументация между рассуждением и действием».

of the group's rights is acute. The article describes three grounds for moral obligation. The first two are related to the concept of the common good. It is implemented by collective rationality, which requires the maximum diversity of interests and opinions, as well as the maximum diversity of participants in deliberation. The representative in these two cases may be neutral with respect to the group represented. The third form of obligation arises at the conclusion of an "affective contract". The representative is charged with the duty of service, and the group, with the duty of trust. The representative voluntarily appropriates the opinions, desires and wills of the group. A high degree of intensity of affect leads to the fact that loyalty to the group begins to contradict the common good. At the same time, such forms of behavior of the representative become possible that deviate from the usual direct and indirect goals of the dispute. If the goal of influencing the agenda is maintained, then the success or failure of deliberation is combined with how the representative and the group fulfill their obligations to each other. These combinations are described at the end of the article and form a range of assessments and possibilities for further behavior and interaction between the group and the representative.

Keywords: argument, deliberation, rationality, agenda, representative, affect.

Для цитирования: Мижиртумов И. Б. Моральные обязательства представителя группы в делиберации о повестке // Логико-философские штудии. 2022. Т. 20, № 4. С. 429–446. DOI: 10.52119/LPHS.2022.89.29.005.

Введение: спор, делиберация и моральное обязывание

Делиберация как публичное обсуждение и принятие решений является ответом на неопределённость и расхождение во мнениях, которые требуют своего устранения с достижением наибольшего общего блага и посредством реализации коллективной рациональности. Расхождение во мнениях лежит в основании более общего явления, а именно спора. В его динамике я выделяю три этапа: делиберацию о повестке, дискуссию по существу вопроса и делиберацию о действии. Первый и третий этапы предполагают публичность институционально, поскольку первый затрагивает субъектность агентов, их взаимное признание, равенство или неравенство в коммуникации, т. е. круг условий возможности коммуникации, а последний ведёт к изменению положения дел, влекущее те или иные последствия для участников коммуникации и сообщества в целом. На этапе же обсуждения предмета расхождения во мнениях по его существу права сторон определены, а действия еще не планируются, так что здесь спор ведётся сторонами в ролях экспертов, вне контекста их статусной или властной конкуренции.

Поведение агентов на этапах спора подчинено различным видам морального обязывания. При делиберации о повестке предметом борьбы является признание субъектности как способности делать предметом спора тот или иной вопрос, дис-

криминированные же агенты или группы в этом ограничены. Их бесправное положение закрепляется в коммуникативных практиках, в которых проявление ими рациональности не рассматривается ни как ценное для других, ни как обоснованное их субъектностью. Дискриминация в этом случае означает отказ принимать во внимание высказанные другим человеком мысли по причине его предполагаемой интеллектуальной или моральной ущербности, порочности или извращённости: лицо объявляется неполноценным субъектом. Вступить же в спор по вопросу, внесённому на обсуждение некоторым агентом (пропонентом), означает совершить перформативное речевое действие по признанию субъектности оппонента, тех или иных его прав и в целом означает принятие ряда обязательств, хотя бы и против собственного желания и, возможно, в качестве имитации. Они образуют правила добросовестной коммуникации (делиберации или спора), среди которых — бремя принятия доказательств и бремя доказывания. Поэтому в случаях, когда попытка внесения какого-либо вопроса в повестку наталкивается на непризнание субъектности, борьба за такое признание для пропонента становится не менее важной, нежели формирование повестки. В сфере моральных обязательств здесь возникает долг публичного представительства себя самого, группы, института или же символического образования³.

На этапе спора по существу моральные обязательства сторон можно охарактеризовать как долг перед истиной. Стороны исходят из своих интересов, которые могут включать или не включать общее благо, но опираются на фактическую сторону дела, в том числе негативно, т. е. игнорируя её. Даже там, где позиции сторон стремятся отклониться от действительности, притязания на истину не только демонстрируются, но и присутствуют. Их нельзя не предъявлять публике, поскольку приверженность сторон принципам добросовестной коммуникации легитимирует результаты делиберации. Кроме того, интересы представляемой группы достигаются посредством выдвижения аргументов, релевантных коммуникативной ситуации, в частности доводам противников, состоянию аудитории и фактическому положению дел, так что, только отталкиваясь от него, аргументы в пользу лишённого основания или же вообще ложного тезиса, отстаивание которого соответствует интересам группы, могут принести успех. Агент и группа в равной мере отдадут себе отчёт в издержках отклонения от истины или от правдоподобного, но знание о них является необходимым условием обмана и манипуляции.

Наконец, делиберация о действии выводит к общему благу как институциональной цели коммуникации. Поскольку действия меняют положения дел, затрагивая, возможно, интересы всего общества, публичность становится обязательным легитимирующим условием. Принимаемое решение должно основываться на результатах проведённого по всем правилам спора по существу и обещать прирост общего блага. Моральное обязательство состоит здесь в долге перед добродетелью,

³Обзор концепций политического представительства можно найти в Стэнфордской философской энциклопедии (Dovi 2018).

т. е. перед реализацией рационально обоснованных решений, ведущих к общему благу. В тех случаях, когда сторона спора успешно ведёт делиберацию в пользу решения, выгодного меньшинству, отклонение от общего блага и его «цена» ясно осознаются. Быть уличённым в сознательном игнорировании общего блага означает потерю статуса морального агента, что, правда, не влечёт с необходимостью потерю возможностей влияния. Так, в политических отношениях субъект теряет легитимность, но не теряет ресурсы.

Присутствие моральных факторов находится в прямой связи с аффективным наполнением делиберации. В классической теории аффектов, например у Спинозы (1957: 454 и сл.), аффекты порождаются внешним воздействием, и коль скоро такое воздействие оказывают накладываемые извне на сторону спора или делиберации моральные обязательства, можно предположить наличие соответствующих им аффектаций. Вторым классическим источником, дающим основание для постановки вопроса об аффекте делиберации, является идея Вебера о политической деятельности как призвании (Вебер 1990).

В настоящей статье я рассматриваю три вида морального обязывания, которое возникает в отношениях между представителем и группой в связи с делиберацией о повестке, затрагивающей признание группы. Цель исследования — выявить взаимосвязи между ходом и результатом делиберации, с одной стороны, и отношением представительства, с другой. Сначала будут рассмотрены два общих основания морального обязывания в представительстве, затем я остановлюсь на анализе аффективного контракта представительства.

Делиберация о повестке как этап спора почти не исследована, постановка проблемы и некоторые результаты можно найти в моих более ранних работах (Елагин, Микиртумов 2021; Микиртумов 2021). Значение делиберации как инструмента коллективной рациональности, напротив, хорошо исследовано (Ролз 1995; Хабермас 2001; Gauthier 2022), равно как и всё, что касается представительства интересов групп и их реализации (см., например: Олсон 1995). Подход настоящей статьи сочетает элементы социальной теории и прагматики аргументации, и здесь я ориентируюсь на исследования, посвящённые связи между легитимностью социально-политических институтов и выполнением формально-аргументативных правил делиберации и спора (см. Cohen 1989; Walton *et al.* 2020).

Представительство в делиберации о повестке

Прямой целью делиберации о повестке является её формирование. Пропонент продвигает некоторый вопрос, что встречает сопротивление оппонента, которое может быть вызвано как отрицанием актуальности вопроса, так и непризнанием права пропонента влиять на формирование повестки. В этом случае за пропонентом не признаётся полноценная рациональная агентность. Косвенные цели пропонента могут быть следующими: (1) достижение интеракции с оппонентом, свидетель-

ствующей о признании агентности, (2) регулирование отношений с представляемой группой, (3) влияние на аудиторию, (4) влияние на сам институт делиберации. Во всех случаях может предполагаться как положительный, так и отрицательный эффект, результаты достижения различных целей не всегда взаимосвязаны и зависят от содержания аргументации. Рассмотрим косвенные цели по отдельности в их взаимосвязи с достижением прямой.

Интеракция с оппонентом может быть как развита, так и редуцирована вплоть до полного уничтожения. Стратегия пропонента-представителя зависит здесь от обстоятельств формирования повестки и от ожиданий представляемой группы. Коллизии возникают тогда, когда пропонент надеется продвинуть вопрос, используя для этого успешную интеракцию, а группа ожидает конфронтации и разрыва отношений. Тогда действия пропонента разрушают его статус в группе и выставляют его нарушителем моральных обязательств. Это связано с тем, что представительство оформляется неформальным мандатом, предполагающим меняющиеся в зависимости от ситуации действия в интересах группы.

Столь же неоднозначно обстоят дела с регулированием отношений между представителем и представляемой группой. Они могут в разной степени отражать стремление к сохранению отношения представительства и стремление к его ликвидации. В первом случае успешная делиберация его укрепляет, что отвечает ожиданиям группы, а во втором, напротив, усиливает конфликт между представителем и группой, которые, например, желали бы расторгнуть контракт и ищут для этого причины. Например, лидер экологического движения, о планах которого на переход в крупную нефтяную компанию стало известно его соратникам, теряет доверие, но сохраняет свой пост до очередных выборов, чтобы уйти без потери лица. Проваливая делиберацию о повестке, он даёт повод для немедленного изгнания, выиграв же её, сохраняет двусмысленное положение вещей. Иными словами, желательные результаты делиберации для пропонента и группы зависят от характера их отношений.

Влияние на третьих лиц, или «тертиарный» эффект делиберации, возникает вследствие оценки аудиторией как самого аргументативного воздействия пропонента, так и величины преодолеваемой им статусной дистанции. Значение известной дискуссии между Дональдом Трампом и Гретой Тунберг на Всемирном экономическом форуме в Давосе в январе 2020 года⁴ состояло не в том, что были ярко озвучены уже известные аргументы об экологических проблемах, но в том, что впервые «неизбранный» представитель человечества и окружающей среды достиг статуса, позволяющего вести публичный диалог с мировой политической и экономической элитой⁵. Эффект Тунберг был нивелирован смещением внимания на пандемию, но он успел проявиться и проявляется в расширении практики нефор-

⁴См.: Thunberg v Trump: A trillion trees is 'not enough'. URL: <https://www.reuters.com/article/us-davos-meeting-thunberg-idUSKBN1ZK0PS> (дата обращения: 27.09.2022).

⁵О неизбранных представителях см.: (Кин 2015: 74 и сл.).

мального общественного представительства и, что важно для предмета настоящей статьи, в актуализации связанной с ним проблематики морального обязывания.

Наконец, на легитимность самого института делиберации как постоянно воспроизводящегося процесса выработки и принятия наиболее рациональных решений, ведущих к общему благу, влияет результат каждого частного случая делиберации. Формирование общества, руководящегося коммуникативной рациональностью в духе Хабермаса или Ролза, т. е. такого, в котором социальная активность агентов направляется публичными институтами рациональности и вне соблюдения их принципов, обусловленных общим благом как целью, не получает одобрения и признания, связано с тем же условием, которое предполагает Аристотель, когда в своей «Риторике» говорит: «истина и справедливость по своей природе сильнее своих противоположностей» (Аристотель 1978: 17). Состоит это условие в том, что никто из членов общества не обладает возможностью вывести себя из-под опасности испытать вредное воздействие лжи и несправедливости, иначе говоря, лишь известная степень равноправия делает ложь и несправедливость одинаково для всех опасными, и никому не даёт шанса использовать их против других, оставаясь для них же неуязвимым. Поскольку реальные общества лишь в той или иной степени приближаются к предполагаемой степени равноправия, не прекращается дискуссия то том, полезна публичная делиберация для общего блага или же она представляет собой имитацию, маскирующую закулисные механизмы принятия меньшинством выгодных ему решений, — нет недостатка в критике моделей Хабермаса и Роулза как с левого, так и с правого политического фланга (см. Даль 2003; Урбинати 2016). Это делает каждый частный случай делиберации значимым для легитимности всего института. Неудача подрывает его, удача позволяет сохранять влияние. Учитываются и отношения представительства, и соблюдение правил делиберации, так что для групп, заинтересованных в делиберативных процедурах, моральное обязывание представителей распространяется на обе системы отношений. Наличие у группы такого интереса может ослаблять ответственность представителя за достижение главной цели делиберации — продвижения вопроса в повестку. Иногда бывает даже более важно посредством выдвижения аргументов и следования правилам поддержать сам институт делиберации, и, в конечном счёте, публичную рациональность. Принимаемые здесь моральные обязательства можно считать всеобщими: члены любого сообщества должны культивировать рациональность как средство адаптации и выживания.

Цель подрыва делиберации как института ставится системными врагами общества. В самом деле, решения, принимаемые вне делиберативных процедур, с большой вероятностью будут отклоняться от рациональности и общего блага, нанося тем самым сообществу вред. В первую очередь пострадает сфера публичной коммуникации, в которой его единство реализуется наиболее полным образом, и следствием этого станет нарастающая социальная дезинтеграция. Неспособность людей воспроизводить делиберативные процедуры есть симптом упадка

общественного как такового. Стратегия подрыва делиберации как правило предполагает постепенное формирование терпимости к нарушению её правил, к злоупотреблению возможностями её инициировать, к отклонению участников от следования долгу представительства, долгу истины и долгу добродетели. Культивируется цинизм, оправдываемый аффектами разочарования в публичных институтах, усталости от внимания к их малозначимой деятельности и жажды возвращения к «реальному» взгляду на общество (Гудков 2015; Оболонский 2016). Так, в политической сфере появляются лидеры и группы, выполняющие роль спойлеров, имитирующие политическую деятельность, подающие её обществу в снижающем контексте. Их задача состоит в том, чтобы снизить уровень ожиданий от публичных институтов, вызвать не только разочарование в них, но и ощущение невозможности сделать их эффективными. Реализует такую стратегию группа, которая не видит для себя опасности в упадке делиберативности и в целом публичной рациональности, т. е. группа, находящаяся в привилегированном положении и располагающая ресурсами власти, делающими легитимность излишней. В ряде случаев группа может надеяться оказаться в таких условиях именно в результате наступления социальной дезинтеграции. Если обратиться к корпоративным отношениям, то здесь подрыв делиберации разрушает механизмы контроля за принятием решений, прежде всего со стороны экспертов, что приводит к падению эффективности и конкурентоспособности, создаёт условия для игры менеджмента против интересов собственников. Любое сообщество с нарушенным механизмом делиберации обречено на неудачи, воспользоваться которыми стремятся группы, для которых дезинтеграция общества предоставляет возможности для достижения их частных целей.

Наряду с масштабными, но редкими проектами такого рода чаще всего реализуются весьма скромные индивидуальные стратегии, в которых агент, принимая позу отчуждения от конкретных социальных отношений, мстит другим людям или институтам, в частности посредством подрыва делиберации. Эти действия не носят постоянного и заметного характера, они проявляются в мелочах, которые невозможно проконтролировать и с которыми не связана серьёзная ответственность. Систематическое и незначительное отклонение от долга представительства в делиберации о повестке имеет обычно именно такой характер. Множество примеров такого рода даёт история профсоюзного и партийного движений, а также иных общественных организаций, объединяющих стремящихся к эмансипации людей (Knowles 2007). Успешная борьба за повестку как за признание повышает статус представителя и может даже вывести его в ряды элиты, но в общем случае этими благами он может пользоваться, лишь оставаясь представителем. Само отношение становится тогда для представителя внутренне противоречивым: оно позволяет продвигаться выше, но не позволяет капитализировать результат в личный статус. Следовательно, задача агента, который использует представительство как лифт, состоит в том, чтобы присвоить себе полученный статус вне связи

с отношением представительства в перспективе разрыва последнего, который не сопровождался бы обвинением в нарушении моральных обязательств перед группой. Эта задача усложняется, если заслуга представителя в успехе делиберации оценивается как незначительная, а центральную роль сыграли объективные факторы: актуальность вопроса и очевидность аргументов сторон, изменение баланса сил, массовость движения, перегруппировка политических сил и пр. Представитель, стремящийся одновременно к успеху делиберации и к отклонению от обязательств перед группой, заинтересован в частичном подрыве института делиберации после достижения успеха, поскольку это выведет на первый план его личные качества, принизив значение прочих факторов и изменив характер представительства. Капитализация группового успеха в личный происходит в этом случае ценой института достижения этого успеха.

Общие основания морального обязывания в представительстве

Можно назвать «ненадёжным» такое представительство, которое существует в условиях, позволяющих представителю трансформировать и отменить его с выгодой для личного статуса. «Надёжным», напротив, будет представительство, для «порчи» которого нет условий. Составляющие долг представительства моральные обязательства, в силу всегда присутствующего риска ненадёжности, делают возможным сам этот институт и принадлежат поэтому к его сущности.

В формировании представительства вместе с сопутствующим ему моральным обязыванием присутствует симметрия. С одной стороны, активисты, чувствующие призывание к представительству, ищут пути стать неформальными или формальными представителями группы в делиберации. С другой стороны, традиционные статусные различия и вместе с ними медиатизация предлагают испытывающей затруднения группе увидеть те или иные фигуры своими представителями и начать реализовывать представительство. Если деятельность активистов можно уподобить продаже своих функций группе, то сама группа скорее выбирает себе представителя посредством «оказывания доверия» и, возможно, не спрашивая о том, согласен ли представитель пользоваться им адекватно ожиданиям. Медиатизация многократно упрощает и ускоряет этот процесс. Публика видит в политике, учёном, деятеле искусств, спортсмене, военачальнике, бизнесмене своего представителя раньше, чем последний успеваеет об этом догадаться, и раньше, чем его настигают моральные обязательства выражения публичных или групповых интересов. Действуя в условиях всё время возникающих желаний групп и общества в целом «оказывать доверие», активисты и политики формируют свой образ и подают себя как персон для этого подходящих, но столь же часто, как эта предварительная подготовка даёт положительный результат, представителями становятся фигуры, об этом не помышлявшие. Этот механизм подобен формированию харизмы политика в описании Вебера. Харизма состоит в том, что группа начинает видеть в

некотором человеке проявления экстраординарных качеств, что легитимирует его власть, но ровно до того момента, когда убеждённость в его особых качествах исчезает. Судьба харизматика полна случайностей, которые создают и разрушают веру в него людей без какой-либо связи с его свойствами и их динамикой. Отношение представительства, инициированные группой в медиатизированной среде, работают точно так же, поэтому было бы когнитивной иллюзией видеть причины возникновения или исчезновения отношения представительства в достоинствах, недостатках, удачных и неудачных словах и действиях публичных фигур.

Ещё один аспект симметричного отношения группы к представителю связан с тем, что группа в определённых условиях продаёт функцию представительства, явно предполагая, что, воспользовавшись ею, агент принесёт пользу и группе, и себе, после чего отношение представительства прекратит. Здесь моральное обязывание не идёт дальше соблюдения условий описанного неформального контракта. Но его заключение не всегда возможно, прежде всего потому, что борьба за признание потребует от агента ассоциировать себя с дискриминированной группой, что несёт риски для представителя и не гарантирует положительного исхода. Это делает продажу группой функции представительства скорее исключением, нежели правилом.

Таким образом, стратегия выдвижения аргументов в делиберации о повестке, коль скоро последняя в наибольшей степени связана с косвенными целями группы, в частности с борьбой за признание, также в наибольшей степени отражает характер отношения представительства и связь с выполнением моральных обязательств.

Представитель группы, ведущий делиберацию о повестке, явно берёт на себя обязательства использовать ресурсы рациональной аргументации для влияния на повестку, неявно же — использовать все ресурсы для достижения косвенных целей, в первую очередь признания группы. Последнее ведёт к её участию в дискуссии по существу дела, к возрастанию её влияния на аудиторию, а также к поддержанию института делиберации как инструмента достижения общего блага и эмансипации. Этот набор обязательств возникает из отношения между группой и представителем, которое, с одной стороны, есть продукт договора, а с другой — отвечает представлениям об общем благе. Сочетание частных и публичных правовых элементов делает формальное закрепление отношений излишним, а его медиатизация позволяет постоянно обновлять связь между группой и представителем, правда не симметрично. Демонстрируя приверженность статусу представителя группы, агент должен совершать действия, не вызывающее у группы неоднозначной интерпретации. Обратная связь, т. е. влияние группы на представителя, не столь определённа. Представитель, уже закрепивший свой публичный статус, часто теряет реальные отношений с группой, о чём становится известно некоторое время спустя, обычно после очередных выборов или социологических замеров. Он может утратить статус и покинуть публичное пространство, но часто

общественные деятели, начавшие свою карьеру с представительства, просто заменяют одну группу другой, особенно там, где хорошо институционализированные группы подбирают себе представителей.

В каждый момент можно оценить, как представитель связан с группой. Так, уже упоминавшиеся Трамп и Тунберг заметно изменили свой статус в период с начала 2020 до конца 2022 г. Тунберг открыла дорогу множеству экологических инициатив, движений и акций, способствовала расширению исследований и актуализации экологических вопросов в политике, повлияла на все группы населения всех политических ориентаций (Sabherval *et al.* 2021), но характер её представительства, очевидно, меняется. Её оппонент Трамп, провозглашавший «эпоху оптимизма» от лица обманутых элитами «простых людей», должен искать новые пути к своей бывшей аудитории. Оба были подняты к вершинам представительства волнами стихийных реакций, т. е. случайными обстоятельствами, и ими же были изменены их связи с представляемыми.

Частный конвенциональный характер моральных обязательств представительства имеет менее значимый характер, нежели публичный. Почему представительство дискриминированных групп в борьбе за повестку и почему сама борьба за повестку представляют собой публичное благо? Как и откуда возникает призвание представительства как частный случай веберовского призвания к политике? Почему нарушение обязательств представительства всегда и всеми воспринимается негативно?

Структура морального обязательства включает в себя норму, набор предполагаемых ситуаций её применения, агента, налагающего обязательства, и агента, их на себя берущего, а также основания обязывания. Последнее наиболее интересно, и я попытаюсь описать такие основания в контексте сформулированных выше вопросов.

Сущность представительства как такового состоит в персонификации коллективной воли, посредством её присвоения индивидуальным рациональным агентом и в реализации воли в действиях, которые такому агенту доступны. Воля представителя при этом действует в метапозиции и, согласно известной концепции Франкфурта, санкционирует присвоение воли группы (Frankfurt 1971). Представительство неизбежно, поскольку коллективно разделяемые желания, их трансформация в волю, намерение и действие требуют в отношениях как с другими коллективами, так и с несубъектными агентами коммуникативного посредника. Успех в конфликтной или конкурентной коммуникации требует определённости позиции, знаний, установок, единства восприятия и памяти, т. е. тех качеств, которые свойственны субъекту. Изрядная доля критики публичных процедур обсуждения и принятия решений со стороны противников демократического устройства, начиная с Платона, а равно и левых радикалов основана на том, что при персонификации воли группы и участии представителя в коммуникации уже в качестве рационального субъекта последняя под влиянием интересов и аффектов

представителя, его тактического и стратегического маневрирования в достижении прямых и косвенных целей неизбежно искажается, часто вплоть до своей противоположности. Это даёт основание для того, чтобы утверждать, что публичное представительство по преимуществу есть обман и манипуляция. Даже признавая справедливость такой критики, нельзя не констатировать, что до сих пор не создано иных форм институционализации коллективных желаний и волений, нежели предполагающие публичную коммуникацию представителей. Варианты принятия решений всеми членами сообщества технически уже реализуемы информационными системами. В самом деле, ничто не препятствует вынесению на голосование миллионов любого вопроса. Но так не может осуществляться делиберация. Она требует ответственной коммуникации по определённым процедурам и правилам, т. е. не может быть начата где и когда угодно, кем угодно и как угодно, не может не сопровождаться санкциями за нарушение своих правил, а также механизмами принуждения признания поражения. Ответственная коммуникация предполагает выслушивание другой стороны и выдвижение обоснованных аргументов, что при сколько-нибудь значительном числе участников невозможно. Наконец, по сравнению с подачей голоса, уже требующей некоторой компетентности и ответственности, подача мнений означает их наличие и наличие оснований для них. Если для каких-то сообществ соответствующее состояние уже достигнуто, то ничто не мешает им принимать решения путём плебисцита, но, кажется, сегодня это возможно лишь для небольшого числа сообществ и по небольшому числу вопросов. Таким образом, представительство есть некоторое малое зло, проявления которого могут быть дополнительно нейтрализованы строгостью правил и процедур публичной делиберации. Независимо от этого практика представительства влияет на группы так, что представления о коллективном желании или коллективной воле мыслятся в перспективе их реализации именно представителями, что накладывает на их содержание известные ограничения. Не будет иметь смысла такое коллективное желание, выполнение которого члены коллектива не видят в перспективе публичных процедур, реализуемых представителями. На них ориентированы все рациональные коллективные желания и воления, как мы их знаем сегодня.

Отсутствие отношений представительства лишает группу возможности участвовать в публичной делиберации, что означает потерю имеющегося статуса и делает невозможным его повышение. Сам факт неучастия может истолковываться и как свидетельство фиктивности группы и связанной с ней идентичности, а также того, что группа считает своё дискриминированное положение нормальным. В обоих случаях те или иные мнения и интересы оказываются не представленными в публичном пространстве, и это наносит вред общему благу. Его идея остаётся конститутивной для социальных взаимодействий, а его достижение связывается с проявлениями коллективной рациональности. Поскольку почти никакие вопросы публичной делиберации не имеют однозначного и надёжно обоснованного ответа, многообразие рассматриваемых точек зрения является условием, которое повы-

шает вероятность нахождения наиболее правдоподобной точки зрения и наиболее удачного решения. Индивидуальный опыт, когнитивные иллюзии, переживаемые аффекты делают рациональность любого субъекта ограниченной, а публичная делебация в конкурентной коммуникативной среде работает как инструмент обеспечения той степени рациональности, которая на длительном временном интервале и в разнообразных ситуациях обеспечит наибольшее приближение к общему благу. Это делает общее благо первым основанием морального обязывания представительства в двух аспектах. Во-первых, дискриминация тех или иных групп является причиной того, что часть совокупного опыта, определённые мнения и интересы не попадают в публичное пространство. Во-вторых, заявление как можно большего числа мнений и интересов в публичной делебации способствует её успеху в обсуждении конкретных вопросов и поддерживает институты коллективной рациональности как таковые.

Таким образом, можно сказать, что представительство само по себе нейтрально по отношению к содержанию мнений и интересов, которые заявляются от имени группы, и в идеальном случае не предполагает лояльности им представителя. Однако такого рода контракт — это скорее редкий случай, характерный для сообществ с хорошо развитой практикой публичной делебации, не затрагивающей уже вопросы признания. Там же, где эмансипация есть вопрос борьбы, в ходе которой такие практики и институты только возникают, представительство возможно лишь на основании кажущейся или подлинной апроприации интересов, взглядов и ценностей представляемых. Равенство в рациональной агентности и в доступе к делебации как аспекты справедливости и общего блага лежат здесь в центре идеологического и политического противостояния.

Аффективный контракт представительства

Третье основание морального обязывания в публичной делебации возникает из двух симметричных аффектов. На стороне представителя это положительно окрашенное переживание отождествления себя с группой, апроприации её интересов и идеалов, вступления в отношение солидарности. Групповое здесь приобретает возвышающий характер мотива, выходящего за рамки личных интересов, и наделяет представителя функцией борьбы за общее благо, а также способностью в этом контексте проявлять личностное служение другим. В терминах риторической антропологии Аристотеля представитель тут наделяется качествами, соответствующими категории прекрасного, понимаемого не в эстетическом смысле. На стороне представляемых возникает аффект доверия. Его можно описать как положительно окрашенный, разделяемый членами группы частичный отказ от агентности, при котором, с одной стороны, несовершенная и разнонаправленная активность членов группы ограничивается и за счёт этого агентность представителя достигает возможно большей полноты, тогда как, с другой стороны, члены группы берут

на себя обязательство усилить активность в иных сферах — там, где формируются ресурсы для успеха действий представителя, например экономические.

Пределная интенсивность такого аффекта группы создаёт феномен вождизма, когда представителю вменяется долг служения, а группе — долг доверия. Вождизм в истории не так редок, и уже древнегреческие демократии создавали механизмы предотвращения перехода представительства в тиранию, а Платон считал такой исход неизбежным (Платон 2007: 412). Позднее путь этой трансформации в философии политики был соотнесён с институционализацией состояния чрезвычайного положения (Шмитт 2005). При этом сама структура усиления интенсивности аффективного контракта представительства осваивается каждым человеком в повседневном опыте состояния представленности кем-то другим и представительства кого-то другого. Вследствие этого в любом отношении представительства, включая контрактное, вождизм просматривается как перспектива вне зависимости от того, желательна она или нет.

Интенсивность реализации долга служения и долга доверия определяется интенсивностью соответствующих аффектов. Точно так же обстоит дело и с ответственностью за уклонение от исполнения долга. Во многом это определяет риторическую стратегию представителя в делиберации о повестке и в прочих его действиях. Рациональность здесь рискует вступить в противоречие с обязательствами перед группой, если, например, в делиберации необходимо маневрировать, идти на уступки, искать компромиссы, а группа решительно настроена на однозначный результат, возможно явно игнорирующий общее благо или безосновательно с ним отождествляемый. В целом степень вождизма обратно пропорциональна степени рациональности, так что значительный компонент вождизма снимает моральное обязывание, проистекающее из концепции общего блага. Последнего всегда мало, чтобы группа заключила с представителем аффективный контракт представительства, а те притязания, которые для этого достаточны, оставляют общее благо в стороне.

Равновесная ситуация достигается в делиберации о повестке тогда, когда представитель равно обязывается к действию представлениями об общем благе и аффективным контрактом представительства. Долг служения представителя и долг доверия группы должны быть в этом случае равными по обязательности исполнения долгу общего блага. Такое соотношение возможно, и существуют институциональные механизмы его поддержания, например, реализованными моделями коммуникативной рациональности. Интереснее, однако, посмотреть на случаи, когда описанное соотношение неустойчиво.

Какие следствия будут иметь успех или провал делиберации о повестке с акцентом на признание, если представитель и группа будут тем или иным образом вести себя в предполагаемых аффективным контрактом отношениях? Некоторый обзор вариантов дают приводимые ниже таблицы: в таблице 1 рассматривается случай успешной, а в таблице 2 — провальной делиберации, которую в интересах

группы вёл её представитель. Будем считать, что следование долгу или отклонение от него становятся известными.

	Долг доверия выполнен	Долг доверия не выполнен
Долг служения выполнен	I — Выполнение аффективного контракта совместимо с общим благом — Стороны демонстрируют успех отношений	II — Аффективный контракт можно игнорировать без ущерба для успеха — Представитель получает право расторгнуть контракт и капитализировать успех независимо от группы — Причины успеха недифференцируемы с I, но представитель приписывает их себе
Долг служения не выполнен	III — Аффективный контракт можно игнорировать без ущерба для успеха — Группа получает право расторгнуть контракт — Причины успеха недифференцируемы с I, но группа приписывает их себе	IV — Аффективный контракт можно игнорировать без ущерба для успеха — Обе стороны получают право расторгнуть контракт — Причины успеха недифференцируемы с II и III, но никто не может приписать их себе — Стороны склонны манипулировать друг другом и сохранить контракт в низкой интенсивности — Стороны не склонны говорить об успехе отношений

Таблица 1: Успех представителя в делиберации о повестке

	Долг доверия выполнен	Долг доверия не выполнен
Долг служения выполнен	<p>V</p> <p>— Выполнение аффективного контракта не гарантирует успеха</p> <p>— Два варианта объяснения причины: (1) объективные обстоятельства, (2) недостаточная интенсивность аффективных отношений</p> <p>— Возможно обновление аффективного контракта с усилением интенсивности вождизма</p>	<p>VI</p> <p>— Представитель перекладывает ответственность на группу</p> <p>— Аффективный контракт может быть расторгнут представителем, но без перспективы удачной капитализации</p> <p>— Причины провала недифференцируемы с V, но группа под подозрением</p>
Долг служения не выполнен	<p>VII</p> <p>— На представителя накладывается ответственность за провал</p> <p>— Аффективный контракт, скорее всего, расторгается группой</p> <p>— Причины провала недифференцируемы с V, но представитель под подозрением</p>	<p>VIII</p> <p>— Стороны получают право расторгнуть контракт, но он может быть сохранён с понижением интенсивности</p> <p>— Причины провала недифференцируемы с V и VI, обе стороны под подозрением</p> <p>— Сохранение аффективного контракта кажется со стороны неестественным</p>

Таблица 2: Провал представителя в делиберации о повестке

По представленным вариантам сочетания результатов делиберации с выполнением или невыполнением аффективного договора можно сформулировать морально-прагматические вопросы, ответы на которые указывают на прямые и косвенные цели делиберации, а также на их положительную или отрицательную полярность:

- Каково соотношение между интересами группы и общим благом в выдвигавшихся аргументах?
- Ведёт ли представительство к общему благу?
- Соответствует ли аргументация представителя долгу служения?
- Приводит ли успех или провал в делиберации к изменению статуса представителя и к изменению его влияния на группу?

- Была ли активность группы направлена к общему благу?
- Соответствует ли активность группы долгу доверия?
- Влияет ли результат делиберации на статус группы?
- Влияет ли результат делиберации на её легитимность?
- Направлены ли действия представителя и группы на сохранение представительства?

Перечень этот не исчерпывающий, и, отвечая на любой из вопросов, мы возвращаемся к делиберации, затрагивающей признание, и раскрываем тот или иной аспект поведения представителя и представляемых вместе с действующими основаниями морального обязывания. В отношении группы они для нас менее важны, тогда как в отношении представителя нам важно оценить, какие косвенные цели делиберации он преследует и соответствуют ли они интересам группы.

Заключение

В делиберации о повестке задача продвижения вопроса сочетается с задачей признания, острота решения которой зависит от текущего положения группы. Именно борьба за повестку является этапом спора, играющим роль теста для признания, прохождение которого означает возможность для реализации рациональной агентности. Представительство при всех его недостатках остаётся неизбежной формой участия группы в делиберации, а к его сущности принадлежит моральное обязывание представителя. Выше были описаны три формы такого обязывания. Первые две отсылают к общему благу, и основанием обязывания в них является необходимость реализации коллективной рациональности, которая предполагает достижение максимального разнообразия интересов и мнений, а также достижение максимального разнообразия участников делиберации. Представитель здесь может быть нейтральным по отношению к представляемой группе. Третья форма обязывания возникает при заключении аффективного контракта. Представителю вменяется долг служения, группе — долг доверия, апроприация мнений, желаний и волеий группы становится для представителя в той или иной степени обязательной. Высокая степень интенсивности аффекта приводит к тому, что лояльность группе начинает противоречить общему благу, так что становятся возможными такие формы поведения представителя, которые оставляют в стороне саму повестку, не ведут к признанию группы оппонентами или подрывают сам институт делиберации. Если же цель влияния на повестку неизменно декларируется, то успех или неудача делиберации в сочетании с тем, как представитель и группа выполняют свои обязательства друг перед другом, представляют спектр оценок и возможностей их дальнейшего поведения и взаимодействия, уточнение которых производится с помощью ряда морально-прагматических вопросов.

Литература

- Аристотель 1978 — *Аристотель*. Риторика / пер. с древнегр. Н. Платоновой // Античные риторика / под ред. А. А. Тахо-Годи. М.: Издательство МГУ, 1978. С. 15–166.
- Вебер 1990 — *Вебер М.* Политика как призвание и профессия / пер. с нем. А. Ф. Филиппова // Избранные произведения / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990. С. 643–706.
- Гудков 2015 — *Гудков Л. Д.* От двоемыслия к цинизму: общественная цена стратегии понижающей адаптации // Политическая концептология. 2015. № 2. С. 138–163.
- Даль 2003 — *Даль Р.* Демократия и её критики / пер. с англ. под ред. М. В. Ильина. М.: Российская политическая энциклопедия, 2003.
- Елагин, Микиртумов 2021 — *Елагин Г. Б., Микиртумов И. Б.* Спор о повестке // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 64. С. 5–15.
- Кин 2015 — *Кин Дж.* Демократия и декаданс медиа / пер. с англ. Д. Кралечкина под науч. ред. А. Смирнова. М.: Издательский дом ВШЭ, 2015.
- Микиртумов 2021 — *Микиртумов И. Б.* Моральные основания выдвижения аргументов в публичной делиберации // Общество. Коммуникация. Образование. 2021. Т. 12, № 4. С. 7–18.
- Оболонский 2016 — *Оболонский А. В.* Политический цинизм: концепт, практика, альтернатива // Общественные науки и современность. 2016. № 2. С. 73–81.
- Олсон 1995 — *Олсон М.* Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп / пер. с англ. Е. Окороченко. М.: ФЭИ, 1995.
- Платон 2007 — *Платон*. Государство / пер. с древнегр. А. Н. Егунова // Сочинения в четырех томах. Т. 3. Ч. 1 / под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. СПб.: Издательство СПбГУ, 2007. С. 97–493.
- Ролз 1995 — *Ролз Дж.* Теория справедливости. Новосибирск: Издательство НГУ, 1995.
- Спиноза 1957 — *Спиноза Б.* Этика / пер. с лат. Н. А. Иванцова // Избранные произведения в двух томах. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1957. С. 359–617.
- Урбинати 2016 — *Урбинати Н.* Искажённая демократия. Мнение, истина, народ / пер. с англ. Д. Кралечкина под ред. В. Софронова. М.: Издательство Института Гайдара, 2016.
- Хабермас 2001 — *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2001.
- Шмитт 2005 — *Шмитт К.* Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы / пер. с нем. Ю. Коренца под ред. Д. Кузницына. СПб.: Наука, 2005.
- Dovi 2018 — *Dovi S.* Political Representation // Stanford Encyclopedia of Philosophy / ed. by E. Zalta. 2018. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/political-representation/> (accessed: 27.09.2022).
- Frankfurt 1971 — *Frankfurt H.* Freedom of the will and the concept of a person // Journal of Philosophy. 1971. Vol. 68, no. 1. P. 5–20.

- Gauthier 2022 — *Gauthier D.* Rational Deliberation. Selected Writings / ed. by S. Dimock, C. Finkelstein, Ch. W. Morris. Oxford University Press, 2022.
- Knowles 2007 — *Knowles H.* Trade Union Leadership: Biography and the Role of Historical Context // *Leadership*. 2007. Vol. 3, no. 2. P. 191–209. DOI: 10.1177/1742715007079052.
- Sabherwal *et al.* 2021 — *Sabherwal A., Ballew M. T., van der Linden S., Gustafson A., Goldberg M. H., Maibach E. W., Kotcher J. E., Swim J. K., Rosenthal S. A., Leiserowitz A.* The Greta Thunberg Effect: Familiarity with Greta Thunberg Predicts Intentions to Engage in Climate Activism in the United States // *Journal of Applied Social Psychology*. 2021. Vol. 51, iss. 4. P. 321–333. DOI: 10.1111/jasp.12737.
- Walton *et al.* 2020 — *Walton D., Toniolo A., Norman T. J.* Dialectical Models of Deliberation, Problem Solving and Decision Making // *Argumentation*. 2020. Vol. 34, no. 2. P. 163–205. DOI: 10.1007/s10503-019-09497-9.